

УДК 94(47)«1914/1917»

И. В. Черказьянова

Антинемецкие настроения в университетском сообществе и судьба профессора Ф. И. Кнауэра

В статье рассмотрен вопрос антинемецкой кампании в России в годы Первой мировой войны. В центре внимания находится судьба профессора Киевского университета Ф. И. Кнауэра.

Ключевые слова: Первая мировая война, антинемецкая кампания, Киевский университет, сравнительное языкознание, Ф. И. Кнауэр.

The article discusses the question of the anti-German campaign in Russia during the First World War. It focuses on the destiny of the Kiev University Professor F. I. Knauer.

Keywords: First World War, anti-German campaign, Kyiv University, comparative linguistics, F. I. Knauer.

Первая мировая война резко обострила вопрос идентичности в различных слоях общества Российской империи. Взрыв официального патриотизма, национализма и шовинизма сопровождался невиданной антинемецкой кампанией, направленной как на «внешних», так и «внутренних» немцев. Одна только принадлежность к немцам, независимо от их подданства и истории появления в России, уже ставила вопрос о лояльности этих людей и вызывала подозрения в шпионаже в пользу Германии. Повсеместно избавлялись от внешнего проявления «германизма» — по всей стране шло переименование населенных пунктов, некоторые носителя немецких фамилий спешили от них избавиться как можно скорее.

С осени 1914 г. антинемецкая кампания охватила все сферы жизни страны. В настоящей статье рассматриваются вопросы политики этого периода в области образования и отношение к ней образованных слоев общества.

В учебных заведениях запрет на «немецкое» касался, в первую очередь, языка преподавания и преподавательского состава. И если можно как-то объяснить желание избавиться от преподавателей, подданных Германии и Австро-Венгрии обстоятельствами военного времени, то вопрос о преподавателях немецкого происхождения, подданных России был серьезным вызовом всему обществу и каждому учебному коллективу в отдельности.

В центре внимания стоит судьба российского немца, профессора университета св. Владимира Федора Ивановича Кнауэра.

Репрессивные меры против преподавателей учебных заведений всех уровней стали применяться буквально с первых дней войны. Перетряхивание кадров в поисках «внутренних врагов» продолжалось до конца 1914 г. Вначале репрессии касались иностранных подданных, но с расширением антинемецкой кампании они распространились и на немцев, подданных России. С 1 августа 1914 г. всем преподавателям — австрийским и германским подданным — предоставлялась возможность просить о переходе в русское подданство для дальнейшего пребывания на службе. Но уже через несколько дней Министерство народного просвещения (МНП) ужесточило меры: предлагалось оставлять только тех педагогов, которых учебное начальство признавало желательными, рекомендовалось только им принимать русское гражданство, а при их несогласии увольнять. Германские и австрийские подданные работали, как правило, в средних (гимназиях, реальных училищах, частных школах) и высших учебных заведениях во всех учебных округах, хотя в численном измерении их было немного. Приведем несколько примеров увольнений по Киевскому и Харьковскому учебным округам. 30 августа 1914 г. были уволены работавшие в Киевской женской гимназии при лютеранской церкви св. Екатерины учительница Э. Карге и классная надзирательница М. Краузе. В сентябре — октябре 1914 г. в Харьковском округе освобождены от работы преподаватели немецкого языка: М. Фрибе (Спасская женская гимназия), Е. Адлер (Славянская 1-я женская

гимназия), А. Асман (Сумская 2-я женская гимназия), А. Гильдебрандт (Харьковская женская гимназия) и др.¹

В августе 1914 г. последовали первые запреты, касающиеся и учащихся, чьи родители были подданными воюющих с Россией государств. 9–10 августа в учебные округа были разосланы телеграммы министра просвещения Л. А. Кассо о приостановлении на время войны приема неприятельских подданных в учебные заведения всех уровней². Распоряжением МНП от 11 апреля 1915 г. учащиеся, подданные неприятельских держав, пожелавшие перейти в русское подданство, допускались к экзаменам экстерном, однако дипломы могли получить только по принятии русского подданства. Были и другие ограничения для иностранцев.

Среди студентов военного времени были и немцы-колонисты. В официальных документах нет свидетельств того, что на них распространялись какие-то запреты. Речь все время шла о подданных воюющих с Россией держав, а ограничения вводились на время войны. Как обстояло дело на практике, предстоит еще исследовать. В целом вопрос о получении колонистами высшего образования заслуживает отдельного изучения. Профессор К. Э. Линдемман писал в 1916 г.: «Многие колонисты дали сыновьям своим образование в русских гимназиях и университетах и послали их затем на служение государству во внутренние губернии России и ее столицах. <...> В провинциальных городах можно указать сотни лиц, «из колонистов», честно работающих на благо русского народа в разных областях общественного и государственного служения»³. По подсчетам некоторых исследователей, только студентов-меннонитов в высших учебных заведениях России и за рубежом в 1917 г. насчитывалось около 150 человек⁴. Так, до революции в Харьковском университете обучались: Д. Д. Дик, Г. Пеннер, И. М. Янцен, в Петербургском — А. Бройль, П. Госсен, К. К. Мартенс, Д. Г. Эпп.

Антинемецкие настроения в профессорской среде стали проявляться уже в начале нового учебного года. Первым о неприязненном отношении к немцам высказался Петроградский университет. Выступая на заседании совета университета 1 сентября 1914 г., профессор А. С. Догель, в ответ на варварскую бомбардировку немцами Лувенского университета в Бельгии 25 августа, призвал своих коллег не печатать научных трудов на немецком языке и не отсылать работы в немецкие издания. Он

предложил отказаться «от поддержки германской промышленности» и прекратить закупки в Германии научных приборов и реактивов, а также поставил вопрос об исключении из состава почетных членов тех немецких ученых, которые «позорят и унижают науку»⁵. Декан физико-математического факультета профессор В. М. Шимкевич привел свои доводы против исключения почетных членов, делая упор на то, что нет даже закона об исключении: «России во время своего исторического роста и развития приходилось вести войны со многими национальностями, в том числе и с французами, англичанами и японцами, являющимися теперь нашими союзниками. Война состояние временное, а научная работа — нечто постоянное и даже вечное»⁶. На том заседании инициатива Догеля не была поддержана.

Антигерманские настроения среди интеллигенции, университетской профессуры во всех европейских странах стали нарастать после публикации 4 октября 1914 г. одиозного манифеста «К культурному миру», подписанного 93 немецкими учеными и деятелями искусства⁷. Манифест был дополнен «Обращением преподавателей высших школ германского рейха» и «Декларацией немецких университетов». В воззваниях оправдывались действия Германии, она была представлена как носительница культуры, а ответственность за развязывание войны возлагалась на противников Германии.

31 октября 1914 г. было принято постановление Совета министров «Об исключении подданных воюющих с Россией держав из состава союзов, обществ и других подобных частных, общественных и правительственных организаций и постановлений», ставшее законодательной основой не только для исключения из университетов и Академии наук почетных членов, но и для закрытия немецких союзов и обществ.

На фоне нарастающей эйфории 24 ноября профессорская коллегия Петроградского университета большинством голосов исключила из числа почетных членов профессора Берлинского университета Франца фон Листа, избранного еще в 1897 г. Е. А. Ростовцев пишет, что профессорская корпорация Петербурга сумела достойно выйти из создавшегося положения. Исключив Листа, поскольку он подписал воззвание 93 германских ученых, и, отчитавшись перед попечителем учебного округа о выполнении требования об исключении враждебных подданных, в числе «вражеских» почетных членов оставили трех других, непричастных к

названному воззванию, — О. Бючли, В. Фохта и А. Вейсмана. В дальнейшем их имена благо-разумно не включали в отчеты университета, а само дело об их исключении заглохло⁸.

Волна исключений из состава почетных членов университетов подданных Германии и Австро-Венгрии прокатилась по всей России. Кампания по изгнанию немецких преподавателей, заподозренных в прогерманских настроениях, в 1915 г. развернулась и в США. Казалось, что всеобщее безумие охватило высокообразованных представителей всех цивилизованных стран, ослепленных необузданной пропагандой. Ученые мира собственными руками разрушали возможность интеллектуального сотрудничества, к которому они смогли вернуться лишь несколько лет спустя.

Киевский университет св. Владимира не стал исключением. На собрании 17 апреля 1915 г. Совет университета отказал в почетном членстве 8 немецким и австрийским профессорам. Среди них были невропатолог Мориц Бенедикт (Вена), лингвисты Бертольд Дельбрюк (Йена) и Карл Бургман (Лейпциг), микробиолог и гигиенист Карл Флюгге (Бреслау), экономист и историк Густав фон Шмоллер (Берлин), ботаник Карл фон Гебель (Мюнхен), фармаколог Освальд Шмидеберг (Страсбург), а также член Королевской Прусской академии наук, профессор Берлинского университета ботаник Симон Швенденер. Из перечисленных профессоров лишь Г. Шмоллер поставил свою подпись под воззванием 93 немецких ученых.

Университет св. Владимира был в числе немногих учебных заведений России, составивших собственные ответы на «оскорбительное воззвание» немецких ученых⁹. Манифест опровергал все положения воззвания «К культурному миру». В частности, отвергалась попытка оправдать милитаризм, как необходимое условие германской культуры. Ответ Киевского университета подписали 96 профессоров и преподавателей различных исповеданий и политической принадлежности.

В начале 1915 г. почетные члены были исключены и из состава Харьковского университета — профессора Йенского и Гейдельбергского университетов, зоолог Эрнст Геккель и офтальмолог Теодор Лебер¹⁰. В это же время в Харькове разразилась кампания против попечителя Харьковского учебного округа П. Э. Соколовского, профессора права, немца по происхождению. До вступления в должность попечителя округа он преподавал в разных университетах: Киевском (с 1891), Харьковском (с 1895) и Москов-

ском (с 1896), в 1906 г. читал лекции в Берлине и Кенигсберге. С 1908 г. возглавил Харьковский учебный округ. В разгар антинемецкой кампании он был ложно обвинен в прогерманских настроениях, в результате 26 августа 1915 г. отстранен от должности¹¹.

В составе российской академической и университетской корпораций всегда были немцы — иностранцы и россияне. Так, в 1894 г. в Киевском университете работали лютеране: на историко-филологическом факультете три профессора-филолога (И. Э. Лециус А. И. Сонни, Ф. И. Кнауэр) и двое на физико-математическом (физик М. П. Авенариус и ботаник И. Ф. Шмальгаузен)¹². В 1913 г. в Харьковском университете на физико-математическом факультете из 21 преподавателя двое были лютеранами: избранный в 1912 г. деканом астроном Л. О. Струве и профессор ботаники Л. В. Рейнгард. На историко-филологическом факультете преподавали профессора Р. И. Шерцль и П. Э. Лейкфельд.

До начала военных действий никто не обращал внимания на подданство и национальную принадлежность коллег, наука и политика четко разграничивались. Война перевернула массовое сознание, всеобщий военный психоз и шпиономания охватили общество. Поэтому в контексте произошедших изменений почти обыденным выглядит тот факт, что профессор Ф. И. Кнауэр, россиянин по рождению и подданству, к началу войны прослуживший в Киевском университете около 30 лет, вдруг стал «врагом» России.

Кнауэр Федор (Фридрих) Иванович (1849—1917), доктор сравнительного языкознания, профессор университета св. Владимира в Киеве по кафедре сравнительного языкознания и санскрита*. Не так давно мы писали о том, что о его происхождении нет точных данных. На основании отрывочных сведений нами было выдвинуто предположение о том, что он родом из семьи колониста Готтлиба Иоганнеса Кнауэра, переселившегося в 1822 г. из Бройнингсвайлера (Brduningsweiler) в Сарату (Бессарабия)¹³.

Сейчас установлено, что Кнауэр, лютеранин, родился 4 августа 1849 г. в Сарате Аккерманского уезда Бессарабской губернии. Фрид-

* Выражаем нашу признательность канд. ист. наук Н. С. Рублевой (Институт политических и этнонациональных исследований НАН Украины) и д-ру ист. наук А. С. Рублеву (Институт истории Украины НАН Украины) за помощь в сборе биографических сведений о Кнауэре в киевских архивах, а также М. Ю. Гасунсу (Краснодар), члену Общества востоковедов РАН, за предоставление копий документов из Томского государственного архива.

рих был младшим ребенком в семье, окончил начальную школу, а затем Сарато-Вернеровское центральное училище, в 16 лет получил свидетельство учителя начальной школы. Следующие два года преподавал в Тарутинской школе и одновременно был домашним учителем у пастора Ф. Пингоуда. До декабря 1871 г. он самостоятельно усовершенствовал свои знания в русском и древних языках, одновременно работая учителем. Без знания древних языков был закрыт путь в университет, куда стремился попасть молодой Кнауэр. После Тарутино он год провел снова в Сарате, затем полтора года преподавал в лютеранской школе Бердянска. В мае 1869 г. перебрался в школу Ней-Штутгарта под Бердянском. Здесь ему посчастливилось изучать древние языки под руководством пастора Людвига Целлера (1819–1885), уроженца Вюртемберга, получившего теологическое образование в Тюбингене.

После сдачи экзаменов в декабре 1871 г., с 1872 г. Кнауэр приступил к учебе на богословском факультете Дерптского университета. Окончив его в январе 1877 г., Фридрих не чувствовал в себе призвания к пасторской службе, но поскольку церковь вносила за него по 300 рублей ежегодно в течение трех лет, он должен был вернуть эту сумму. Необходимые деньги он заработал в течение 1876–1878 гг. в качестве домашнего учителя и в августе 1877 г. смог перейти на историко-филологический факультет Дерптского университета. Он записался в число студентов сравнительного языкознания, одновременно с учебной преподавал древние языки в местной частной гимназии. В январе 1880 г. был сдан экзамен для получения степени кандидата сравнительного языкознания. В августе, имея годовую стипендию студенческой корпорации Ливонии, а затем двухгодичную стипендию от МНП, отправился в Германию для научных занятий. В течение трех лет Кнауэр слушал лекции по сравнительному языкознанию, санскриту и германскому языку в Йене у Бертольда Дельбрюка (1842–1922), основоположника сравнительного синтаксиса индоевропейских языков, профессоров К. Каппелера и Эдуарда Сиверса и в Тюбингене у Р. Рота, специалиста по санскриту и зендскому языку. Магистерская работа по сравнительному языкознанию, написанная в Йене, была представлена к защите в Дерпте 27 сентября 1882 г. Там же 11 октября 1884 г. Кнауэр защитил диссертацию «*Das Gobhilagrhyasutra*» на степень доктора сравнительного языкознания.

Служебная карьера началась вскоре после защиты магистерской работы. С 7 июня 1884-го до конца 1885 г. был приват-доцентом в Дерптском университете. С 1 января 1886 г. занял место экстраординарного, а с 1 января 1890 г. — ординарного профессора по кафедре сравнительного языкознания и санскрита в университете св. Владимира. Кнауэр возглавлял кафедру до 1912 г. В 1905 г. среди немногих киевских профессоров Кнауэр подписал знаменитую «Записку о нуждах просвещения», известную как «записку 342 ученых», о необходимости демократических преобразований в системе образования России. По истечении 25 лет службы, с 19 февраля 1907 г. он был оставлен еще на пять лет¹⁴, а в 1909 г. удостоен звания заслуженного профессора. У Ф. И. Кнауэра занимались будущие известные индологи и лингвисты: А. П. Баранников (1890–1952), Б. А. Ларин (1893–1964), Г. С. Ахвледиани (1887–1973), Е. К. Тимченко (1866–1948), С. С. Дложевский (1889–1930), М. Я. Калинович (1888–1949).

Научные интересы Кнауэра были связаны не только с санскритским языком и сравнительным языкознанием. Его интересовала древняя история Руси и происхождение самого слова «русь», в апреле 1888 г. он проводил раскопки курганов на реке Сарате. Неоднократно участвовал в работе международных конгрессов ориенталистов (1889, Стокгольм; 1902, Гамбург; 1912, Афины), выступал с докладом на 11 археологическом съезде, проходившем в Киеве в 1889 г.

После 30 лет работы в университете Кнауэр был выведен из штата, но продолжал читать лекции и вести практические занятия, получая 1200 рублей годового жалования и 3000 рублей пенсии. Из известных работ ему принадлежит подготовленное в соавторстве с московским профессором В. Ф. Миллером и выпущенное в 1891 г. «Руководство к изучению санскрита. Грамматика, тексты и словарь». В свое время именно Миллер рекомендовал Кнауэра на место профессора санскрита в Киевский университет. Другой учебник Кнауэра, «Учебник санскритского языка» (1908), по признанию специалистов, был и до сих пор остается самым удачным учебником по санскриту. В кратком вступлении к изданию автор отмечал, что книга составлена «на пользу русской науки».

Кнауэр был женат на лютеранке Антонине-Вильгельмине Карловне Бондфельдт (уроженке Риги), имел шестерых детей: двух сыновей (Зигфрид, 26.06.1894; Гельмут, 31.03.1896)* и четырех

* Даты приведены по старому стилю.

дочерей (Ильзе, 1892; Фрида, 1898; Эрна, 1900; Нанда, 1902). С 1907 г. семья преимущественно проживала в Германии. Кнауэр это объяснял тем, что революция расшатала систему образования, и в России невозможно было получить достойного образования. В 1911 г. на высочайшее имя было подано прошение об освобождении сыновей Кнауэра от российского подданства. Младший сын Гельмут получил освобождение 19 декабря 1912 г., а Зигфрид — 17 июля 1914 г., накануне объявления всеобщей мобилизации в русскую армию.

Война застала профессора с семьей в Германии. Старшие дети (Зигфрид и Ильзе) к тому времени обучались на медицинском факультете Йенского университета. Профессору удалось одному вернуться в Россию, а жена и дети остались в Йене под надзором полиции в качестве интернированных. По возвращении Кнауэра в Киев попечитель учебного округа А. Н. Деревницкий предложил ему прекратить чтение лекций в университете и на Высших женских курсах. Вскоре в газетах появились клеветнические заметки о том, что дети Кнауэра «сражаются против России». Выход сыновей Кнауэра из российского подданства трактовали как участие молодых людей в войне с Россией. 2 октября попечитель округа направил запрос по этому факту ректору университета Н. М. Цытовичу. Получив объяснение от Кнауэра и секретаря Совета университета, ректор доложил попечителю обстоятельства дела. Были названы даты высочайшего решения о выходе сыновей из подданства России, но сведений о переходе в германское подданство не было.

По обвинению в прогерманских настроениях в сочельник, 24 декабря 1914 г. 65-летний Кнауэр был арестован и помещен в Лыбедский полицейский участок. 7 января 1915 г. Киевская городская полиция выдала профессору «проходное свидетельство» для прямого следования в Томск. Находившийся в Киеве во время ареста Кнауэра академик Виктор Николаевич Перетц, работавший с Кнауэром на одном факультете в 1909–1914 гг. и после избрания в Академию наук переехавший в Петербург, по согласованию с руководством академии начал переговоры с киевским губернатором Н. И. Суковкиным об участии профессора. Губернатор высокомерно и грубо отнесся к ходатайству Академии наук и отказался проверить слухи о детях Кнауэра по телеграфу через посольство нейтральной державы.

Документы из Томского государственного архива позволяют дополнить и уточнить био-

графические сведения, связанные с периодом ссылки профессора в Томск.

Сразу по прибытии Ф. Кнауэр обратился с просьбой к томскому губернатору об оставлении его в Томске, ссылаясь на состояние здоровья, и пытался объяснить, что же на самом деле произошло с его детьми. До начала войны сыновья Кнауэра вышли из российского подданства, но германское взамен не получили. Поэтому они находились в качестве интернированных на территории Германии и не сражались против России¹⁵.

Медицинское освидетельствование Кнауэра провел профессор Томского университета, терапевт И. М. Левашов. Среди прочих тяжелых диагнозов был поставлен особенно опасный — сахарный диабет. Было рекомендовано лечение у специалиста, соблюдение диеты, водолечение. Все это было возможным, как отмечал врач, только в университетском городе¹⁶.

Однако никакие доводы: ни состояние здоровья, ни безупречная служба в течение 30 лет, ни жалобы на отсутствие возможности продолжить научную работу, ни попытки защитить честь своих детей — ничто не подействовало, и Кнауэр был выслан дальше, вглубь Томской губернии. 16 февраля 1915 г. он прибыл в Каинск под конвоем околоточного надзирателя и поставлен под гласный надзор полиции. Получаемая им пенсия и имущество оказались под арестом, что усугубляло бедственное положение ссыльного.

Группа академиков обратилась к великому князю Константину Константиновичу, президенту Академии наук с просьбой оказать содействие ссыльному. 21 января 1915 г. он лично обратился за помощью к министру народного просвещения П. Н. Игнатьеву. По мнению президента, Кнауэра можно было бы перевести в Казань или другой университетский город, где он мог продолжить свои научные занятия. Что касается детей профессора, то, действительно, они получили высочайшее разрешение о выходе из российского подданства, но доказательств того, что они воюют против России, нет¹⁷. 28 февраля 1915 г. граф Игнатьев сообщил великому князю, что по приказу товарища министра внутренних дел генерал-майора В. Ф. Джунковского Департамент полиции распорядился о немедленном возвращении Кнауэра в Томск.

Лишь 22 апреля 1915 г. Кнауэр вернулся в Томск и временно остановился в гостинице «Россия». Сразу же стал настойчиво добиваться пересмотра своего дела. 20 мая 1915 г. на имя

министра внутренних дел он отправил новое прошение о возвращении в Киев, снятии ареста с его имущества, денег и пенсии. В просьбе о возвращении было отказано по решению штаба Киевского военного округа¹⁸. В каком униженном положении оказался Кнауэр, можно судить уже по небольшому эпизоду, связанному с Томским университетом. 8 июня 1915 г. он обратился к ректору, профессору М. Ф. Попову с просьбой разрешить ему пользоваться книгами университетской библиотеки. При Попове в 1914 г. было введено в строй новое здание Научной библиотеки с актовым залом, но допустить опального профессора в этот храм науки ректор не решился — слухи о детях Кнауэра активно циркулировали в томском обществе, поэтому он переложил ответственность на Совет университета. Коллегия профессоров во главе с И. Н. Гамматикати, собравшаяся в тот же день, вероятно, под влиянием тех же слухов тоже не проявила решимости и отложила рассмотрение вопроса до осени¹⁹.

К осени 1916 г. состояние здоровья Кнауэра резко ухудшилось — воспаление почек грозило слепотой. В столицу отправилось очередное прошение ученого об освобождении. Не имея доступа к своим сбережениям, профессор существовал на пособие Литературного фонда — общества, оказывавшего помощь нуждающимся литераторам и ученым.

Все это время Академия наук со своей стороны стремилась помочь опальному ученому. В 1915 г. депутация академиков лично посетила товарища министра внутренних дел Джунковского, а затем в 1916 г. письменно обратилась к министру юстиции А. А. Хвостову. Приход к власти Временного правительства породил новые надежды на возвращение Кнауэра в Киев. В марте 1917 г. очередное ходатайство в защиту Кнауэра подписали вице-президент Академии наук А. П. Карпинский, непрременный секретарь С. Ф. Ольденбург, председатель Отделения русского языка и словесности А. А. Шахматов и академик В. Н. Перетц. Его адресовали министру юстиции А. Ф. Керенскому. На заседании Общего собрания Академии наук академик В. Н. Перетц вновь поднял вопрос о Кнауэре и просил собрание возбудить ходатайство о возвращении ученого из ссылки и снятии ареста с его имущества.

1 июня 1917 г. на имя томского губернского комиссара пришла телеграмма из МВД, кото-

рая наконец-то разрешала профессору свободно жить на европейской территории страны, за исключением Киевского военного округа и театра военных действий. 12 июня власти ознакомили Кнауэра с ее содержанием. Однако бюрократические разбирательства на уровне губернии продолжались еще несколько месяцев.

Тяжело больной, практически ослепший профессор скончался в Томске 22 декабря 1917 г. Согласно записи в «Метрической книге о смерти евангелическо-лютеранской церкви св. Марии», погребение состоялось 27 декабря в 2 часа дня на местном лютеранском кладбище. Похоронил профессора кистер Ян Ганзо²⁰.

30 декабря 1917 г. была отправлена, а 2 января 1918 г. получена в Томске телеграмма за подписью секретаря по международным делам А. Шульгина Украинской народной республики о разрешении Кнауэру вернуться в Киев²¹. Телеграмма осталась неврученной.

Судьба профессора Ф. И. Кнауэра — одна из многих периода Первой мировой войны. На этом примере можно проследить, какой огромной силой располагали военные власти не только на театре военных действий, но и в отношении гражданских лиц. Последнее слово в вопросах участия Кнауэра принадлежало руководству Киевского военного округа. Важнейшим фактором идеологического противостояния воюющих сторон была пропаганда, формировавшая образ врага. Используя полуправду, домыслы и слухи, пресса активно участвовала в этом процессе. Особенностью российской пропаганды было включение российских немцев в число врагов. К таким «внутренним врагам» был отнесен и заслуженный профессор Киевского университета Ф. И. Кнауэр. Объективное исследование всех жизненных перипетий позволяет вернуть доброе имя человеку, необоснованно репрессированному сто лет назад.

Вместо послесловия

В марте 1918 г. семья узнала о смерти Ф. И. Кнауэра. В 1919 г. сын Зигфрид получил немецкое гражданство (он умер 20 декабря 1984 г. в Шри-Ланке). Младший сын Гельмут стал физиком и минералогом, скончался в Пфорцхайме (Германия) в 1970 г. Дочь Ильзе (1893—1981, Швейцария) была врачом. Эрна стала артисткой театра, умерла в Гамбурге в 1969 г. Потомки Кнауэра живут в Германии.

Библиографические ссылки

1. Циркуляр по Харьковскому учебному округу. — 1914. — №10. — С. 40; №11. — С. 55–57.
2. Циркуляр по Киевскому учебному округу. — 1914. — №8. — С. 691.
3. *Линдеман К. Э.* Законы 2 февраля и 13 декабря 1915 г. (об ограничении немецкого землевладения в России) и их влияние на экономическое состояние южной России. — М., 1916. — С. 169–170.
4. *Vogt W.* Einige Mennoniten in Russland, die an Hochschulen und Universitäten studiert haben // <http://chortiza.heim.at>. Фогт называет это число со ссылкой на статью Н. Я. Классена (1969 г.).
5. Протоколы заседания Совета императорского Петроградского университета за 1914 г. — Пг., 1916. — № 70. — С. 77–79.
6. Там же. — С. 80.
7. Манифест 93 ученых. Призыв к цивилизованному миру // Две культуры (К философии нынешней войны). — Пг., 1914. — С. 122–133.
8. *Ростовцев Е. А.* Казус профессора фон Листа (эпизод из университетской истории периода Первой мировой войны) // Уроки истории — уроки историка: сб. ст. к 80-летию Ю. Д. Марголиса (1930–1996) / сост. Т. Н. Жуковская; отв. ред. А. Ю. Дворниченко. — СПб.: Нестор-История, 2012. — С. 308–315.
9. Ответ профессоров и преподавателей императорского университета св. Владимира на «Обращение к цивилизованным нациям», опубликованное 93 германскими учеными и писателями по поводу настоящей войны. — Киев, 1915.
10. Отчет о состоянии и деятельности императорского Харьковского университета за 1915-й. — Харьков, б. г. — С. 9.
11. Подробнее см.: *Черказьянова И. В.* 1) «Увы, я остзеец!» (об отставке попечителя Харьковского учебного округа в 1915 г.) // Вопросы германской истории / ред. кол. С. И. Бобылева (отв. ред.) и др. — Днепропетровск, 2002. — С. 67–74; Профессор П. Э. Соколовский во главе Харьковского учебного округа // Университеты: Наука и просвещение: науч.-популяр. журнал. — Харьков, 2004. — № 3. — С. 64–73.
12. Список лицам, служащим в императорском Университете св. Владимира по 1 января 1894 г. — Киев, 1894. — С. 16–17, 20–21.
13. *Черказьянова И. В.* Немцы — российские ученые в годы Первой мировой войны: эпизоды из истории Академии наук // Вопросы германской истории / отв. ред. С. И. Бобылева. — Днепропетровск, 2008. — С. 23–33, С. 27.
14. Отчет о состоянии и деятельности императорского университета св. Владимира за 1907 год. — Киев, 1913. — С. 5.
15. Государственный архив Томской области (далее — ГАТО). — Ф. 3. — Оп. 77. — Д. 1226. — Л. 16.
16. Там же. — Л. 18.
17. Российский государственный исторический архив. — Ф. 740. — Оп. 18. — Д. 34. — Л. 1–1 об.
18. ГАТО. — Ф. 3. — Оп. 77. — Д. 1226. — Л. 47.
19. Там же. — Л. 36.
20. Там же. — Ф. 527. — Оп. 1. — Д. 695. — Л. 335 об. — 336.
21. Там же. — Ф. 3. — Оп. 77. — Д. 1226. — Л. 6.